

Глава 18. Все прелести напоказ

В Павильоне Одинокого Фонаря дела вели споро. Уже через три дня Вэйшэн получил письмо, адресованное Цан Доушаню. Внутри лежал банковский билет — вексель на целых две тысячи лянов серебра.

Вэйшэн так преданно и жадно косился на зажатую в пальцах Цан Доушаня бумажку, что тот не выдержал, усмехнулся и протянул её другу.

— Держи, иди закупай свои припасы.

— Ура! Одна нога здесь, другая там! — так и просиял Вэйшэн. Он бережно спрятал вексель за пазуху и вприпрыжку помчался на рынок за сушёным бататом.

Почин оказался добрым. Со временем из Павильона Одинокого Фонаря посыпались новые заказы, правда, один прозаичнее другого: разузнать про тайную любовницу, выследить содержанку, отыскать пригульного сына... Долго монета в карманах не задерживалась — едва скопившись, она тут же уходила на бесконечный сушёный батат.

Дни тянулись чередой, навевая тоску. Копаясь в пудре, белилах да румянах, Цан Доушань то и дело ловил себя на мысли, что его творческий источник иссяк. Косметическое ремесло опротивело ему до глубины души.

Стояла удушающая летняя жара, какая бывает перед грозой. Вэйшэн с помощью магии наколдовал огромные глыбы льда и расставил их по всей Обители Бессмертного Чайника. Но даже прохладная дымка, струившаяся от ледяных глыб, не могла сдержать катящиеся с улицы волны зноя. Цан Доушань одолела беспросветная лень. Он целыми днями лежал на бамбуковой циновке, не желая шевелить даже пальцем.

Вэйшэн укоризненно вздыхал:

— Ты уже несколько дней не брался за новые румяна.

— Не напоминай. Меня от одного их запаха мутит, — вяло отзывался Цан Доушань.

— Может, грушевого отвара? Ледяного?

Цан Доушаню было лень даже открывать глаза:

— Не хочу.

Делать нечего. Вэйшэн пересчитал оставшуюся мелочь, рассовал монеты по карманам и решил наведаться в лавку за парой рулонов охлаждающего шёлка Чэншуй, чтобы развесить его вместо занавесей. Погода стояла аномальная, солнце нещадно палило землю. Стоило выглянуть наружу — и взгляду открывался унылый вид: в Переулке Цветочной Чашечки пожухли и поникли все цветы.

Едва переступив порог, он наткнулся на огромную корзину. Она была бережно укрыта несколькими слоями тончайшего белого шёлка, сотканного из ледяных нитей шелкопряда. Вэйшэн откинул покрывало и так и застыл: корзина доверху ломилась от спелых зеленоватых манго, на кожуре которых ещё дрожали хрустальные капли росы.

— Доушань, гляди, какое угощение! — крикнул он с порога.

Цан Доушань поначалу даже бровью не повёл. Но тут до его носа долетел дразнящий аромат — сладкий, с лёгкой смолистой кислинкой, присущей спелым манго. Внутри у него сразу что-то встрепенулось, и он заинтересовался.

— Манго? Откуда?

— Наверное, снова босс Хуан прислал, — хмыкнул Вэйшэн. Он достал из корзины лёгкую шёлковую накидку и набросил её на плечи Цан Доушаню. — Эта ткань стоит целое состояние, соткана из нитей ледяного шелкопряда.

Окутав тело живительной прохладой, ледяной шёлк приятно коснулся кожи. Цан Доушань нежно потёр ткань пальцами — на ощупь она казалась ещё мягче и невесомее, чем та, что была в ходу тысячу лет назад. Эх, а ведь когда-то у него подобных отрезков было пруд пруди! Он щеголял в одеждах из ледяного шёлка круглый год, не зная забот. А теперь? Валяется без сил, задыхаясь от жары в четырёх стенах...

Тем временем Вэйшэн ловко принялся за дело: очистил плоды, срезал нежную мякоть вдоль плоских косточек, нарезал её аккуратной сеточкой и выложил на широкое блюдо.

— Ну же, приподнимись.

Цан Доушань честно попытался приподняться на локтях, но тело словно налилось свинцом. Оставив тщетные попытки, он без сил повалился обратно и просто открыл рот:

— А-а-ам...

Сладкий, сочный кусочек мгновенно растаял на языке, даря блаженное чувство сытости и прохлады.

За одной порцией последовала другая. Манго оказались на редкость мясистыми, с тонкой

кожурой — вдвоём им было столько не одолеть. Вэйшэн отложил часть спелой мякоти в пиалу, позвал Ху Лэ полакомиться, а заодно велел отнести долю Старику.

За окном бесконечно выводили свою монотонную песнь цикады. Их дребезжащий хор, казалось, вибрировал в самом воздухе, расходясь невидимыми волнами по сонной комнате. В воздухе плыл густой аромат манго. Цан Доушань почувствовал, как веки тяжелеют, сознание подёрнулось туманной дымкой, и окружающее пространство стало медленно блекнуть. Краски угасали, пока весь мир не обратился в строгую чёрно-белую гравюру.

На вершине горы завывал неистовый ветер. Клубы тумана и облаков накатывали волнами, оседая на одеждах мелкой водяной пылью. Сам он сидел на камне, крепко обняв спелую половину арбуза, и с аппетитом уплетал алую мякоть. Рядом старшая сестра осторожно срезала бамбуковым ножичком янтарную персиковую смолу. Широкие рукава её халата взмывали вверх при каждом взмахе руки, словно она вот-вот взлетит, подчиняясь воле ветра.

— Малыш Фэн, будешь кашу из снежного риса с персиковой смолой? — весело спросила она.

— Не хочу, — пробурчал Цан Доушань, не отрываясь от своего арбуза.

— Ну и глупый. Отказываешься от такой вкуснотищи!

Цан Доушань начисто выскреб ложкой арбузную корку и облизал её. Затем он вернулся во Дворец Истинного Сердца. Учитель лежал на кушетке, лениво жевал сушёный инжир и читал свиток. Книга парила прямо перед его лицом, и стоило старику слегка качнуть головой, как невидимый поток воздуха переворачивал страницу.

Мальчик брёл по бескрайнему пустому залу, а следом за ним клубились туманные облака. С каждым шагом цель его прихода ускользала из памяти, растворяясь в тумане. Вокруг раскинулось безмолвное монохромное царство, лишённое жизни, и лишь он один оставался живым, движущимся пятном на этой застывшей гравюре.

Ему не пришлось искать дорогу — он сам не заметил, как дошёл до самого края зала. Там, на ветвях древнего древа Фусан, восседала богиня Сихэ. Окружённая сиянием десяти солнц, она склонила голову над раскрытой книгой.

Простым смертным запрещено смотреть на лик богини.

Поэтому он не смел поднять глаз и смотрел лишь на фолиант в её руках — «Сердечный свиток хроник Сихэ», священную основу основ учения Врат Сердца в их секте.

Вскарабкавшись по узловатым ветвям священного дерева, он дотянулся до книги и бережно принял её из рук богини.

«Хроники Сихэ» состояли из трёх священных томов: Небесного, Земного и Сердечного. Соответственно, и в секте существовало три духовных направления — Врата Неба, Врата Земли и Врата Сердца. Возглавляли учение Небесные Врата.

Эти хроники были истинной божественной книгой.

Но едва он раскрыл её и пробежал глазами первые три страницы, как почувствовал нестерпимую боль в глазах. По лицу градом покатались слёзы.

Учитель не раз повторял ему: в тот день, когда он сможет дочитать «Сердечный свиток» до самого конца, к нему перейдёт титул главы Врат Сердца. Старшая сестра к тому времени одолела уже шестнадцать страниц.

Преодолевая муку, сквозь пелену слёз он перевернул ещё три листа. На этот раз взбунтовалась не только плоть — боль вонзилась в самую душу, сокрушая сознание. Духовное море вздыбилось свирепым штормом, и голова раскалывалась так нестерпимо, что хотелось умереть прямо на месте.

На грани беспамятства он решил сдаться и закрыть книгу. Провёл ладонью по лицу, стирая слёзы — и внезапно жжение утихло. Он снова почувствовал лёгкость в глазах, словно к ним приложили прохладный компресс.

Вдруг пахнуло свежим ветерком.

Страницы «Сердечного свитка» зашелестели, переворачиваясь сами собой. Они двигались медленно, плавно, будто их перелистывала невидимая рука, позволяя Цан Доушаню разглядеть каждое начертанное слово.

Все тайные техники Врат Сердца брали начало отсюда. Здесь не описывались приёмы и методы циркуляции энергии — книга содержала лишь Путь. Великое Дао.

Наделенный исключительным талантом, Цан Доушань мгновенно погрузился в созерцание истин, начертанных на страницах.

Говорят, существует три тысячи путей Дао, но на деле их бессчетное множество. Путь каждого человека уникален, и большинство практиков вынуждены блуждать во тьме, наощупь отыскивая верное направление, и лишь редкие счастливицы добиваются до финала.

Но этот свиток наглядно раскрывал все до единой тропы духовного самосовершенствования. Богиня Сихэ запечатлела на бумаге весь замысел мироздания, но смертным редко выпадала честь прикоснуться к её мудрости.

Внезапно чёрно-белое марево отступило, точно отлив. Цан Доушань вздрогнул и очнулся.

Обитель Бессмертного Чайника радовала глаз: повсюду струились полотна охлаждающего шёлка Чэншуй, даря спасительную прохладу. Золотистые лучи за окном медленно скользили по полу, зной шёл на убыль. Вечерний ветерок принёс долгожданную свежесть — наступало самое благодатное время летних сумерек.

Почувствовав неприятную липкость, Цан Доушань потянул за край накидки из ледяного шёлка. Ткань насквозь пропиталась потом и неприятно прилипла к телу.

В этот момент в комнату заглянул Вэйшэн:

— Смыть бы с себя эту грязь, а? Может, сходим к речке окунуться?

— Ещё чего, — поморщился Цан Доушань, которому совсем не улыбалось плескаться у всех на виду. — Я лучше дома, в бадье.

— Знал, что ты у нас чистюля-неженка. Вода уже нагрелась, иди давай, смывай пот.

Сбросив липкий шёлк, Цан Доушань послушно поплёлся в купальню.

Опустившись в глубокую бадью с тёплой водой, Цан Доушань предался размышлениям о странном бесцветном видении. Немного подумав, он осознал, что побывал в Царстве Чёрного и Белого.

По мере того как духовные силы практика растут и крепнут, он всё чаще погружается в подобные ментальные миры. Там его могут ждать как неописуемый восторг, так и невыносимые страдания. В этой пограничной реальности может случиться всё что угодно, а пережитые эмоции ранят и исцеляют так же глубоко, как наяву.

Для любого заклинателя это один из самых опасных отрезков пути. Немало тех, кто заблудился в дебрях собственного разума, впал в многолетний сон в реальном мире и угас навсегда. Иные ломались под тяжестью иллюзий, сбивались с истинной тропы, лишались рассудка или путали вымысел с явью, в безумии обрывая собственную жизнь, лишь бы прекратить бесконечные кошмары.

Вот и сейчас ему почудилось, будто он узрел тайны «Сердечного свитка Хроник Сихэ». А ведь в прошлой жизни он сумел дойти лишь до сто семидесятой страницы из трёхсот шестидесяти!

Цан Доушань упрямо твердил себе, что явленное видение — лишь искусный морок, но память упорно возвращала его к той картине: бесцветный мир, ласковое прикосновение ветра, медленно шелестящие страницы и волшебное избавление от боли, словно к глазам прижали лёд.

И те иероглифы... Каждая строчка стояла перед мысленным взором как живая.

«Всё это ложь! Обыкновенный обман!» — Цан Доушань с силой потёр переносицу, пытаясь унять внезапную тревогу.

В прежней жизни он родился в великом клане бессмертных. Детство его прошло в тиши уютных покоев, он мало смыслил в мирских делах, и его видения в Царстве Чёрного и Белого были довольно простыми. Ему хватало крупницы воли, чтобы провести чёткую грань между грёзами и действительностью и благополучно выйти из транса.

Но теперь всё изменилось.

Слишком велик был искус прикоснуться к сокровенным тайнам священного свитка. Устоять перед этим соблазном было почти выше его сил.

Он невольно вспомнил об успокаивающем благовонии Тичэнь и по привычке хотел было позвать Вэйшэна, но вовремя прикусил язык. Бороться с искушениями собственного разума при помощи зелий и амулетов — верный способ лишиться себя твёрдой основы в будущем. А он не желал выстраивать свой путь на шатком песке.

Цан Доушань глубже погрузился в бадью и замер. Он просидел так очень долго, пока вода окончательно не остыла.

Наконец из-за двери донёсся весёлый голос Вэйшэна:

— Молодой господин, вас там ещё не пора вылавливать?

— Без тебя разберусь! — огрызнулся Цан Доушань.

Шумно отдуваясь, он поднялся, расплёскивая воду, наспех обтёрся полотенцем и только тут понял, что забыл взять с собой чистую смену белья.

Натягивать старое тряпье не хотелось — оно пахло потом, да к тому же валялось на мокром полу и изрядно вымоклось.

Пришлось переступить через гордость.

— Вэйшэн! — позвал он.

— О, неужели наш господин всё-таки соизволит принять помощь верного слуги?

— Неси одежду, я её забыл.

Снаружи донёлся сдавленный смешок. Раздражённо сопя, Цан Доушань уселся на низкий табурет в ожидании спасителя. Наконец дверь со скрипом приоткрылась, и на пороге показался улыбающийся Вэйшэн с ворохом чистого белья:

— Несу-несу.

Цан Доушань сидел на табурете совершенно нагой, обхватив руками колени, и оттого казался на удивление хрупким и беззащитным. Вэйшэн не сдержался и весело прыснул.

— Нашёл над чем зубы скалить! — вспыхнул Цан Доушань.

Вэйшэн добродушно бросил ему чистый халат.

— Да ладно тебе, чего застеснялся? Будто я там ничего не видел. Мы вообще-то спим на одном тюфяке...

Вэйшэн не успел договорить — мокрый комок грязного белья снайперски прилетел ему прямо в лоб.

— А ну брысь отсюда!

— Ухожу, ухожу! — хохоча, Вэйшэн попятился к выходу, но перед самой дверью тактически притормозил и бросил короткий взгляд назад.

Цан Доушань как раз поднялся во весь рост, собираясь накинуть рубаху. Его силуэт выглядел стройным и ладным, а Вэйшэн засмотрелся на его гибкую спину. За последнее время юноша немного округлился: на боках и животе появился едва заметный мягкий жирок, отчего тело казалось очень нежным и уютным. Так и подмывало подойти, ущипнуть за этот мягкий бок, а то и вовсе сгрести в охапку...

Почувствовав на себе чужой взгляд, Цан Доушань резко обернулся и гневно прищурился:

— Ты чего вылупился?!

— Любуюсь, — ничуть не смутился Вэйшэн, расплываясь в довольной ухмылке.

Цан Доушань рассвирепел не на шутку. Он резко взмахнул рукой — и остатки воды в бадье мгновенно превратились в острые ледяные шипы. С глухим треском они сорвались с места и веером полетели прямо в шутника. Вэйшэн с воплем выскочил за дверь, едва увернувшись от свистящих ледышек.

— Эй! Ты мне так дверь разнесёшь! — донеслось из коридора.

Конечно, воды в бадье было слишком мало, чтобы сотворить полноценное заклинание, так что самые длинные сосульки рассыпались, едва достигнув порога. Цан Доушань торопливо завязал пояс на халате, а Вэйшэн уже откуда-то из глубины дома крикнул:

— Кто намусорил, тот за собой и убирает!

Раздосадованный Цан Доушань с силой пнул бадью. Наросший на стенках лёд рассыпался сверкающим бисером, наполнив купальню прохладным влажным туманом.

Вэйшэн же, отойдя на безопасное расстояние, обернулся, заложил руки за спину и весело замурлыкал под нос какую-то легкомысленную песенку. Вид у него был на редкость довольный — точь-в-точь как у мыши, которая утащила самый лакомый кусочек сала и осталась безнаказанной.

<http://bllate.org/book/18329/1815178>